

Рассказ скачан на сайте <http://eromo.org>

Название: Девочка в красном

На написание этого ушло ровно сорок семь синих восковых мелков, одна тетрадь в косую линию, три гелиевые ручки, два мусорных мешка макулатуры, несколько зарисовок и одна смерть. Надеюсь, оно того стоило. Особенно жалко мелок оттенка индиго.

Мария родилась в пять минут двенадцатого в обитом ситцем купе поезда, отходившего от вокзала Сант-Лоуренс, захудалой деревушки где-то на западе страны. Она должна была быть Питером. В одиннадцать тридцать семь из окна скоростного экспресса была выброшена старенькая корзина для пикника с подгнившей крышкой и самым обыкновенным содержимым, говорившем о безбедной и разгульной жизни. А именно: несколько батистовых носовых платков, залитых острым соусом, остатки молодого цыпленка, новые часы, которых хватятся через три с четвертью минуты, две бутылки паршивого вина, проданного втридорога как «урожай 63-го», выцветшая фотокарточка, разорванные газеты, краюха хлеба, немного остывшего мяса, затвердевший сыр, четыре виноградины и один младенец. Не беспокойтесь, это был не Питер. Он увидит свет в столичном роддоме только через два года и пять месяцев.

В момент, когда корзина с мусором была выброшена из купе, поезд преодолевал мост, каменным шрамом пересекающий одну из мелких, но «быстроводных» рек. Будь Мария более везучей, окажись рука, украшенная тремя прециозными, но фальшивыми перстнями немного сильнее, будь вино не таким хмельным, а корзина не столь нагруженной, возможно, именно эта река, ведущая как раз к одному из местных поселений стала бы её билетом в «Долго и счастливо». Но сегодня был понедельник.

В одиннадцать тридцать семь, на пятой секунде тридцать восьмой минуты плетёная корзина с подгнившей крышкой и самым обыкновенным содержимым коснулась своей впалой частью быльца шириной в полтора метра. На секунде шестой посиневшее тело сотряс первый вдох. Лёгкие раскрылись. Рука раскрылась. Высок раскрылся.

Удаляющийся экспресс элит-класса ещё пару минут преследовал судорожный писк.

До семи пятидесяти восьми губы жадно всасывали и глотали. В семь пятьдесят отек с горла спал окончательно. В восемь ноль одну Марию накрыл первый болезненный сон. В десять тридцать две рабочий вышел проверить крепления на мосту. В тринадцать ноль ноль глаза мужчины впервые переполнены отчаянием и жалостью: антенна на крыше его дома пострадала во время грозы и идти домой не имеет смысла, так как он все равно пропустит матч.

Шестнадцать двенадцать: остатки цыплёнка стали пахнуть гнилью и солнцем. Виноградины переспели. Сыр зачерствел до состояния картонных пластин. В шестнадцать пятнадцать желудок младенца испустил сок, а лицо болезненно сморщилось. Ещё около получаса ни звука не раздавалось из старой корзины для пикника с подгнившей крышкой и самым обыкновенным содержимым.

В семнадцать ноль три горло младенца ответило на первый рвотный позыв, кожа впервые покрылась испариной. Через семь минут Марию сотряс проходящий товарный поезд. Первый страх. Первый восторг. Ужас.

Плетёная корзина с подгнившей крышкой и самым обыкновенным содержимым продолжила падение. Ровно два с половиной переворота в воздухе. Будь крышка корзины не такой изгнившей, окажись быльце чуть шире... Мария проломила крепление. Удар о воду был

болезненное каменной поддержки моста. Речушка окрасилась в нежно-розовый цвет, как когда разводишь красную акварель в баночке, не до конца вымывая кисть. Первая борьба. Первое изнеможение.

Впервые полученный шанс. Нить Ариадны — течение выносит младенца к грязно — серому илистому берегу. Радость. Впервые сердечко так трепещет. И, пусть маленькая ручка неестественно искривлена, но бледные губки жадно пьют воздух. Иссиня-белая кожа в красных пятнышках, грязь залепила розовый носик. Тоненькие, как паутинка волосы заливают кровь с еще нецелованного затылка. Лицом вниз. Но младенец не может перевернуться.

Где та рука в поддельных перстнях, которая должна вечно убаюкивать Марию?

Первый холод, колючий иней. Первые слёзы, оставляющие след на грязном личике. Первая колыбельная. Мужчина возвращается домой, напевая гимн любимой команды.

Первая мысль в головке. Первое слово — клекотание в глубине горла. Осознание вины. Она должна, обязана была быть Питером. Бессилие. Первое теплое прикосновение — ночной иней покрыл всё тельце.

Первое чувствительное дыхание прямо в мягкий детский висок. Первый и последний поцелуй костлявой, но самой ласковой в жизни матери.

Семь ноль восемь: рабочий накрыл мелкое сморщенное и ледяное тельце белым батистовым платочком. Семь ноль девять: мужчина совершает звонок в полицейский участок. Батистовый платочек на берегу окрашен в цвет заката.